

©1999 г.

М.Н. РУТКЕВИЧ

МАТЕРИАЛИЗМ И СУБЪЕКТИВИЗМ
В СОЦИОЛОГИИ

РУТКЕВИЧ Михаил Николаевич - член-корреспондент РАН.

Старые песни на новый лад

В ходе истории отдельных народов и всего человечества многие события повторяются, но это повторение никогда не бывает "буквальным", "стопроцентным", поскольку изменяется общая ситуация, появляются новые действующие лица со своими индивидуальными качествами и т.д. В итоге событие того же сорта даже при сходных обстоятельствах не может быть точной копией прежнего. Повторяемость событий в общественной жизни, тем не менее, имеет место, но, во-первых, не на "поверхности", а "в глубине", в сфере сущности и, во-вторых, она отличается особенностями в различных сферах общественной жизни. Один из вариантов такого, весьма условного повторения в сфере политики имел место во Франции XIX века при восстановлении монархии после периода республиканского правления. Сравнивая приход к власти Луи-Наполеона с воцарением Наполеона Бонапарта, Маркс заметил, что история повторяется - первый раз как трагедия, второй раз как фарс.

Несколько иной вариант повторения событий можно обнаружить в наши дни в России, например, в передачах телевидения "Старые песни о главном". На экране воспроизводятся популярные по сей день советские песни, но в манере, не соответствующей духу этих творений. Неудивительно, что передача воспринимается аудиторией как низкопробный фарс. На наш взгляд, возрождение в России конца XX века в новой словесной упаковке теоретически несостоятельных, опровергнутых сто и более лет назад аргументов против материалистической социологии - тоже своеобразные "старые песни на новый лад", от них отдает фарсом. Об этом и будет идти речь далее.

Но сначала одно замечание философского плана. Если фиксировать известное сходство событий можно "невооруженным глазом", выводы "по аналогии" можно сделать и на уровне обыденного мышления, то научное мышление предполагает поиск и нахождение *критерия повторяемости* и выделения общего в событиях определенного ряда. Кроме того, эмпирическое наблюдение повторяемости явлений в экономике, политике, культуре, идеологии и т.д. требует выяснения специфики критерия повторяемости в каждой из этих областей. Мы полагаем, что сходство ситуаций в борьбе идей в последнем счете имеет своей основой сходство ситуаций в социально-экономическом развитии стран и народов, но сходство это не может быть полным, поскольку сфера идеологии обладает в своем развитии значительной самостоятельностью. Так, в России конца прошлого века происходило бурное развитие капиталистических отношений, которое означало крупный шаг вперед в развитии общества по пути прогресса. В Российской Федерации 90-х гг. нынешнего века происходит реставрация капиталистических отношений, которая по всем данным ведет к превращению великой державы в страну второго разряда, страну-должника, опу-

тайную непосильными финансовыми обязательствами перед зарубежным капиталом, в сырьевой придаток мировой экономики. Она уже привела к сокращению промышленного производства вдвое, потере страной продовольственной независимости, свертыванию науки, массовому обнищанию населения и его вымиранию со "скоростью" до одного миллиона человек в год, кратко говоря, к деградации российского общества [1].

Различие тенденций социально-экономического развития обуславливает различие диспозиций и на фронте идеологического противостояния. Материализм в социологии, провозглашенный марксизмом, получил в России 90-х гг. прошлого века широкое распространение и творческое развитие, обусловленное необходимостью раскрыть своеобразие истории страны и путей ее модернизации. Его противниками в среде прогрессивной интеллигенции были поначалу народники, а затем отошедшие от марксизма недавние его сторонники, перекочевавшие на позиции либерализма в политике и субъективизма в социологии. Само собой разумеется, противником была и правая, консервативная часть мыслящей России, вплоть до сторонников религиозного мирозерцания и сохранения монархического строя с некоторыми, продиктованными временем конституционными поправками. В настоящее время в России среди гуманитарной интеллигенции, в недавнее время в подавляющем большинстве выступавшей в качестве сторонников теории марксизма, господствуют угодные новым властям идеи либерализма в его крайне упрощенном, вульгарном варианте. В социологии они связаны с возникшим в последней четверти века на Западе широким духовным движением, получившим наименование постмодернизма, для которого характерен субъективизм в подходе к явлениям общественной жизни.

Сходство задач, стоящих перед обществом сегодня и сто лет назад, порождает известное сходство в идеологической ситуации, в том числе в области теоретической социологии. В противовес материалистическому пониманию жизни общества, идейные противники этого подхода сто лет назад обращались к наиболее популярным тогда на Западе среди буржуазной (и части социал-демократической) интеллигенции философским течениям субъективистского характера. Сегодня, наряду с новейшими аргументами, заимствованными у модных теоретиков постмодернистского толка, реанимируются идеи неокантианства, а также неюмизма и необерклианства; последние принимали в конце XIX - начале XX века обличье эмпириокритицизма, прагматизма и т.д. Но за сходством нельзя не видеть коренного различия. Оно состоит в том, что материализм тогда находился в наступлении. Имел место даже период столь массового увлечения теорией Маркса, что Ленин шутливо выразился: "сейчас не клянется марксизмом только ленивый". Ныне марксизм временно находится в обороне, поскольку все средства давления (а это и материальные стимулы для занятия наукой, и идеологические рычаги, включая средства массовой информации) находятся в руках его противников. Перефразируя приведенное выше высказывание, можно сказать, что ныне в России "марксизм не клянет только ленивый". Так что ситуация в идеологии смахивает на фарс, но это фарс весьма зловещий, поскольку он разыгрывается во время трагедии, испытываемой страной. Восхождение марксизма сто лет назад и последовавшая за ним Октябрьская революция не были для России исторической трагедией, напротив, с них начался самый успешный период ускоренного развития страны по пути прогресса, что позволило отстоять независимость страны в годы Отечественной войны, превратить СССР в великую мировую державу. Подлинной трагедией является нынешнее положение России. Тем более ответственной выступает задача, стоящая перед сторонниками материализма в социологии, - отстоять его основные, проверенные временем положения и вместе с тем творчески обобщить происшедшие и продолжающие происходить в стране и мире изменения.

Наши апологеты либерализма, понимаемого как невмешательство государства в хищническую деятельность новых собственников, охотно повторяют избитую фразу Ф. Фукуямы о "конце истории" как победе капитализма в его американском варианте на вечные времена и торопятся хоронить марксизм как научное течение. К ним в той

или иной степени примыкают многие профессора университетов и сотрудники научных институтов, на протяжении десятков лет выступавшие как сторонники материалистического понимания жизни общества, а теперь отрешившиеся от него. Рассмотрим некоторые "свежие" примеры такого рода, используя известную уже материалистам систему доказательств, и одновременно выскажем свое суждение по ряду вопросов теории.

Обращение к неокантианству

Проблема повторяемости явлений в общественной жизни, критерия повторяемости и наличия закономерностей в обществе находилась в центре полемики русских марксистов с неокантианцами в конце XIX - начале XX века. Но с аргументацией, почерпнутой из арсенала неокантианских критиков марксизма, в современной социологической литературе приходится и ныне сталкиваться постоянно. Нам уже приходилось высказывать свои возражения по этому поводу и, в частности, по национальному вопросу в связи со статьей Н.А. Аитова в Социсе [2]. Но тогда мы намеренно отложили обсуждение проблем общей социологической теории. Сейчас мы вынуждены к ним вернуться, поскольку попытки *противопоставить общественные науки естественным по методу познания* требуют тщательного разбора

Приведем полностью одно из высказываний по этому поводу. "Марксисты считают одной из величайших заслуг Маркса перенесение материалистического учения из области природы в область истории. Между тем это великая ошибка" - пишет автор [3] и разъясняет далее, в чем состоит различие его взгляда с Марксом. "Лунное затмение - согласно с закономерностями природы - неизбежно произойдет, когда светила сойдутся на одной линии. И поэтому его можно предсказать за сотни и даже тысячи лет. Оно произойдет независимо от того, нравится ли нам оно, предсказываем мы его или нет, хочет ли Луна этого затмения. Луна тем и отличается от людей, что она ничего не хочет и хотеть не может. А человек всегда чего-то хочет и то, чего он хочет, во многом зависит от его интересов. В обществе действуют люди, одаренные волей и сознанием, да еще разделенные на социальные и национальные группы со своими интересами. Именно наличие противоположности интересов в обществе и создает возможность появления разных вариантов развития общества".

Подобные рассуждения отличаются от обычных возражений против материалистического понимания общественной жизни двумя особенностями. Во-первых, *абсолютным* противопоставлением объективного и субъективного, первое, якобы, присуще природе и знанию о природе, второе обществу и знанию об обществе. Более изощренные в диалектике критики материалистического направления в социологии из числа бывших марксистов признают *взаимодействие* этих факторов в общественной жизни, хотя преобладающее значение придают воле и сознанию субъектов действия. Однако наличие препятствий замыслам и действиям субъекта, несоответствие результата действия намеченным первоначально целям настолько очевидны, что большинство социологов, признающих примат субъективного фактора, вынуждены конструировать объективное тем или иным образом из субъективного.

Классики социологии начала XX века выдвигали различные варианты объяснения существования объективных препятствий, с которыми неизбежно сталкивается субъект при формировании своих интересов, определении целей, принятии решений, осмыслении причин несовпадения целей и результатов действия. Так, будучи учеником Г. Риккерта, М. Вебер, исходя из субъективно осмысленных действий индивида, как "клеточки", построил социологическую систему, в которой социальные институты, структуры, нормы этики и т.д. ограничивают свободный выбор индивида. Способов построения социальной системы из единичного акта действия сознающего цели субъекта - множество, в нашу задачу здесь не входит их рассмотрение.

К. Маркс совершил подлинный переворот в социологии, открыв, каким образом из сознательных действий людей при их воздействии в процессе производства на объек-

ты природы и друг на друга возникают независимые от их воли и сознания, т.е. объективные производственные отношения. На первый взгляд, их *объективность* может быть подвергнута сомнению, поскольку действия людей в сфере хозяйства, как и любой иной сфере, носят целенаправленный характер и изменяют экономические отношения, например, при забастовке, локауте, определении уровня зарплаты и т.д. Эти и иные действия субъектов хозяйственной деятельности обусловлены общими условиями производства, поэтому при исследовании объективности производственных отношений нельзя ограничиваться единичным, отрывать его от особенного и общего, т.е. законов функционирования капиталистической (и любой иной) экономики, логики развития производственных отношений. Совокупность этих законов образует систему, которую Маркс назвал общественно-экономической формацией. Ленин писал, что Маркс "впервые поставил социологию на научную почву", именно потому, что выделил производственные отношения как объективную структуру общества, и обнаружил качественное различие между эпохами развития производства. Установление понятия общественно-экономической формации дало возможность "применить к этим отношениям общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты" [4].

Среди философов и социологов, прошедших школу марксизма, но перешедших ныне в разряд его критиков, "любое" отрицание объективной составляющей общественных отношений встречается нечасто. Обычные возражения сводятся к обвинениям Маркса (и марксистов) в *односторонности*, в "экономическом детерминизме", в то время как себя они считают сторонниками *всестороннего* подхода. Обычное рассуждение таково: в одних случаях, мол, первичны сознание и воля, в других - объективные обстоятельства. Подобная, эклектическая по своему подходу позиция была неоднократно подвергнута критике в печати, в том числе и нами. В науке вообще, и в социологии, в частности, надо брать не отдельные "случаи", а *тенденции*, и тогда обнаруживается, что в диалектике взаимодействия субъективных и объективных факторов, в том числе, экономики и политики, *в конечном счете* определяющая, главная роль принадлежит факторам объективным.

Хотелось бы напомнить, что противопоставление наук о природе наукам об обществе наиболее последовательно было проведено неокантианцами баденской школы В. Виндельбаном и Г. Риккертом, полемика с ними велась в марксистской литературе сто лет назад. Повторяя доводы неокантианцев, новоявленные критики, однако, упрощают их рассуждения, поскольку остаются на материалистических позициях в понимании природы. Для них нет сомнений в объективном существовании Луны ("которая ничего не хочет") и солнечного затмения (когда три небесных тела оказываются "на одной линии"). Такая позиция отчасти напоминает воззрения французских материалистов эпохи Просвещения, которые не сомневались в материальности природы, но полагали, что среди людей "мнения правят миром". У неокантианцев, напротив, исходные посылы были последовательно субъективно-идеалистическими. Они отвергали кантовскую "вещь в себе" и рассматривали весь мир как данный нам в восприятии, но воссоздаваемый абстрактным мышлением по определенным правилам. Различие между естествознанием и науками об обществе усматривалось ими в том, что мышление использует различные методы познания, поскольку стремится учесть различие в самих объектах познания. В природе явления, мол, повторяются и поэтому в науках о природе при создании понятий следует пользоваться *генерализующим* методом. Общество неокантианцы понимали как сферу созданной людьми культуры, как результат совокупной сознательной деятельности отдельных людей. Индивидуальный характер происходящих в обществе событий для неокантианцев служит основанием для отрицания в них общего. Поэтому, согласно Г. Риккерт, "в исторических науках о культуре мы... должны пользоваться *индивидуализирующим* методом" [5].

Мы полагаем, что сохраняет полностью силу критика неокантианства марксистами XIX - начала XX века, в частности, разбор Г.В. Плехановым той книги Риккерта, из

которой нами взята приведенная цитата. Плеханов отмечает вопиющую непоследовательность разделения наук по предлагаемому Риккертом принципу. С одной стороны, среди естественных наук имеются исторические, такова, например, геология, которая только в XIX веке из описательной превратилась в науку, установившую закономерности развития земной коры. С другой стороны, среди общественных наук "кроме истории (в широком смысле) есть еще социология, которая занимается "общим" в такой же мере, как и естествознание. История становится наукой лишь постольку, поскольку ей удастся объяснять изображаемые ею процессы с точки зрения социологии" [6]. Общая теоретическая социология (макросоциология) является наукой о *законах* функционирования и развития человеческого общества. К приведенным соображениям Плеханова, на наш взгляд, сегодня можно было бы добавить, что историки в наши дни тоже не считают свою науку чисто описательной. При изучении не только всемирной истории, но также истории отдельных цивилизаций, регионов, крупных стран они пытаются установить "исторические закономерности" и выяснить их соотношение с закономерностями социологическими, как более общими.

Вторая особенность современной критики Маркса, сравнительно с их предшественниками, состоит в том, что вопрос о повторяемости явлений в обществе, а тем самым познания закономерностей его функционирования на основе определенной системы производственных отношений и развития, как перехода от одной системы к другой, подменяется вопросом о *вариативности* развития событий. Но это совсем не одно и то же. Игнорируется тот очевидный факт, что вариативность, т.е. наличие различных возможностей развития событий в будущем (равно как при анализе прошлых предположений о том, как и почему ход событий мог сложиться иначе) признаются всеми серьезными учеными, независимо от их мировоззренческих позиций. Исключения могут составлять разве что крайние фаталисты, полагающие, что всевышним все заранее предопределено, вплоть до мелочей, - но к науке эта точка зрения отношения не имеет. Для материалистов вариативность несомненна как в силу многозначности сплетения объективных факторов, так и воздействия факторов субъективных, обусловленных различиями в интересах групп и личностей и их действиях. Но вариативность в конкретной исторической обстановке означает наличие определенного набора возможностей, ограниченного существующими объективными условиями. Для субъективистов, напротив, вариативность не ограничена объективными условиями, она целиком определяется интересами, волей, решениями, действиями правящих групп и лиц.

По своей философской сути проблема вариативности сводится к проблеме соотношения необходимости и случайности, пределов воздействия случайности на закономерный ход процессов. И здесь в качестве примера однозначности, отсутствия вариативности, "железной" необходимости и поэтому стопроцентной предсказуемости на основе познания законов небесной механики приводится уже упомянутый банальный пример определенного расположения движения небесных тел при вращении Луны вокруг Земли и Земли вокруг Солнца, когда они оказываются "на одной линии" и поэтому возникают лунные и солнечные затмения. Данный пример понадобился, чтобы противопоставить предсказуемость солнечных затмений непредсказуемости событий в общественной жизни. При более внимательном рассмотрении этот пример не выдерживает критики. Абсолютная точность предсказаний небесной механики могла поражать умы современников Кеплера и Ньютона, создавших математическую модель движения планет Солнечной системы и их спутников. Случайности - в силу малости их воздействия на недолгом отрезке научного наблюдения людьми небесных явлений - при предсказании положения планет в будущем можно было не учитывать. Однако в дальнейшем было показано, что возникновение и развитие солнечной системы было необходимым процессом, протекавшим "вариативным" способом, т.е. через сплетение случайностей. Одна из них "подарила" нам пояс астероидов и возможности катастроф, вроде той, что семьдесят миллионов лет тому назад привела к

исчезновению динозавров. Когда будет и будет ли аналогичная, мы не знаем. Например, крупный астероид "Икар" летит со скоростью 70 км в час, по расчетам астрономов он должен пройти неподалеку от Земли в 2015 году. При этом существует весьма малая, но не нулевая вероятность того, что он за это время может столкнуться с другим небесным телом и изменить направление полета. Есть надежда и на то, что к этому времени совершенство ракет, мощь ядерных зарядов или лазерных лучей возрастут настолько, что человечество сможет нейтрализовать угрозу столкновения крупного астероида или другого небесного тела с нашей планетой. Далее, скорость вращательного движения Луны вокруг Земли и Земли вокруг Солнца также не является постоянной величиной. Поэтому неизбежные поправки в "расписание" предстоящих солнечных и лунных затмений будут рано или поздно внесены. Что же касается таких процессов во Вселенной, как например, вспышки сверхновых звезд или изменения гравитационного притяжения "черных дыр", то они зависят от взаимодействия многих факторов и никак не подтверждают воззрение на "небесные" процессы, как на поле действия "железной", "голой", лишенной случайностей, чуждой вариативности необходимости.

Мы уделили столь много внимания Луне и ее "желаниям" только потому, что аргументация нынешнего "отрицателя" вариативности в природе сводится к примеру о неизбежности и полной предсказуемости солнечного затмения. Между тем, вопрос о предсказуемости явления того же ряда - лунного затмения - более ста лет назад фигурировал в полемике марксистов с неокантианцами. Напомним ответ, данный Плехановым Р. Штаммлеру, который использовал пример с лунным затмением для того, чтобы приписать марксистам понимание объективных законов в обществе, как действующих с "железной" необходимостью. Если социализм столь же неизбежен, как затмение Луны, то зачем социал-демократы создают для этого политическую партию? - вопрошал Штаммлер, и заверял, что с таким же успехом можно было бы создавать "партию содействия лунному затмению". Плеханов подробно разъяснил бессмысленность этой постановки вопроса [7].

Обращение к эмпириокритицизму и прагматизму

Нам уже приходилось отмечать эволюцию воззрений А.Г. Здравомыслова от марксизма к постмодернизму [8]. Ныне им сделан следующий шаг. Переключившись на проблемы нации, он задался целью превзойти в отрицании материальной основы этнических общностей и отношений между ними директора Института этнологии РАН В.М. Тишкова, критика воззрений которого, в том числе теории "нулевого варианта", нами дана в другом издании [9]. По основным позициям Здравомыслов солидарен с Тишковым, но вместе с тем делает "шаг вперед" по части отрицания материальной основы жизни нации, выступая с заявкой на создание совершенно новой теории, которой он дал звучное наименование - "релятивистская теория нации" [10].

Название выглядит многообещающим. На деле же "новая" теория пытается следовать по стопам юмистов конца прошлого века, отчасти давно забытого эмпириокритицизма Маха, отчасти прагматизма Джемса, нашего продолжение в инструментализме Дьюи.

"Новая" теория утверждает, что "в конце XX столетия любая нация или этническая группа должны быть поняты прежде всего как часть современного человечества. Каждая национальная (в том числе этническая) общность определяется не столько ее прошлым, сколько продолжающимся процессом ее взаимодействия с другими частями того же самого человечества. Эпоха изолированного развития наций, в том числе "наций-государств", ушла в прошлое, и теперь основные проблемы любой нации заключаются в том, каким образом она *воспринимается* другими нациями и этническими группами. В то же время это в значительной степени зависит от самосознания самой нации, которое активно *конструируется* лидерами и членами правящей и

культурной элиты. *Нации существуют друг через друга благодаря их взаимному восприятию*" [10, с. 5, выделено мною. - М.Р.].

Это основное высказывание состоит, по сути, из трех тезисов. Во-первых, в нем выдвигается в качестве новой, принадлежащей данному автору идеи общепризнанное положение, что нации, будь то "нации-государства" или "этнические нации", являются частями единого человечества и в конце XX века находятся во взаимодействии. Заметим, что указанное взаимодействие возникло много ранее конца нынешнего века, но в условиях растущей глобализации экономической, политической и культурной жизни, развития электронных средств связи оно становится более тесным и многогранным, чем когда-либо ранее. Это верно, но провозглашать такие истины с претензией на новое слово в теории, право, странно.

Во-вторых, нации, якобы, существуют "друг через друга благодаря их взаимному восприятию". Данная фраза буквально повторяет общую Беркли, Юму, позитивизму конца XIX - начала XX века, неопозитивизму и т.д. посылку: "мир суть мои восприятия и другие люди существуют постольку, поскольку я их воспринимаю", "люди существуют благодаря их взаимному восприятию". Это субъективный идеализм в чистом виде. Для материализма (и обыкновенного здравого смысла) люди существуют объективно, как материальные существа, при взаимодействии с предметами природы и друг с другом они получают восприятия, на основе которых судят о существовании, привычках, действиях, мнениях других людей. Классики этого направления в философии исходили из того, что восприятиями обладает индивид, а спасения от солипсизма искали то ли с помощью ссылки на бога, то ли выстраивая определенным образом дорогу от индивидуального к коллективному восприятию. У Здравомыслова речь идет именно о коллективном восприятии народами (нациями, этносами) друг друга, т.е. о том, что последователи эмпириокритицизма в начале века называли "социально-организованным опытом".

В-третьих, согласно этой теории, самосознание нации, то бишь "социально-организованный опыт" сообщества людей, называемых им нацией либо этнической группой, активно конструируется лидерами и членами элиты. Данное положение в философском плане следует общей линии неопозитивизма, а в отношении нации заимствовано у представителей постмодернизма, пишущих по национальному вопросу, - Геллнера, Андерсона и др. на Западе, В. Тишкова - в России. Таким образом, роль народных масс как создателей и носителей культуры и языка как средства общения внутри этноса, а именно на этом настаивает марксизм, уступает место теории элиты.

Подводя итог, можно сделать вывод, что не обладают новизной ни общепризнанные всеми исследователями верные положения, упомянутые автором "релятивистской теории нации", ни субъективистские "добавки" им привнесенные. Сугубо субъективистский характер сочиненной Здравомысловым теории полностью раскрывается в статье "О пластах национального бытия". Пластами *бытия* оказываются язык, духовная культура, особенности психического склада, историческая память, т.е. пласты *сознания*, об общности экономической жизни на определенной территории нет даже упоминания [10, с. 188-193].

В чем же мы усматриваем особую близость автора "новой теории нации" к ставшему достоянием истории махизму? В этой связи следует напомнить об основной уловке Маха, которая подкупила в свое время многих прогрессивных мыслителей. Э. Мах, будучи прежде всего физиком, широко использовал в своей философии понятие функциональной связи. Он исходил из посылки, что предмет внешнего мира (X) не существует вне моего восприятия (a), их связь можно представить как функцию $X(a)$; другой предмет (K), в свою очередь, может быть представлен в связи с моим восприятием как функция $Y(a)$. Если имеются две функции одного аргумента, то можно методом исключения аргумента найти функциональную связь между ними $F(X, Y) = 0$. С помощью такого приема восприятие оказывается как бы "исключенным" и отношение между предметами условно можно рассматривать как объективно существующую функциональную связь. По поводу этой жульнической операции

Ленин писал: "на словах вы устраняете противоположность между физическим и психическим, между материализмом (который берет за первичное природу, материю) и идеализмом (который берет за первичное дух, сознание, ощущение), - на деле вы сейчас же восстанавливаете эту противоположность, восстанавливаете ее тайком, отступая от своей основной посылки!" [11].

Аналогичным образом поступает Здравомыслов. Объявляя нацию существующей только в восприятии других наций, а их, в свою очередь, в восприятии данной нации, при обращении к реальным проблемам автор "временно" забывает об основной послышке "релятивистской теории нации" и рассуждает как обычный политолог, вступая тем самым с собой в явное противоречие. Так, в статье общего характера он заявляет: "главный общий момент в отживающем понимании политики состоит в том, что она рассматривается как выражение некоторых "объективных" интересов" [10, с. 22]. Однако в статье, посвященной чеченскому кризису, он пишет, что "интересы России... будут состоять в локализации конфликта и в постепенном его урегулировании. Интересы чеченской стороны пока определяются как стремление к расширению конфликта..." [10, с. 120]. Мы не приводим полностью рассуждения автора по поводу данного конфликта, с частностями можно поспорить, но в целом автор склоняется к реалистическому его анализу, как обусловленного экономическими и политическими противоречиями. Рассуждения автора по конкретному вопросу национальных отношений не связаны органически с основной послышкой провозглашенной им теории, они диктуются здравым смыслом, т.е. стихийным материализмом, который, будучи изгнан через дверь, возвращается через окно.

Еще одна черта явственно роднит автора "релятивистской теории нации" с неюизмом столетней давности, как с махизмом, так в особенности с прагматизмом. Если мир сводить к восприятиям моего сознания, то проблема истины крайне упрощается. Создатель эмпириомонизма А. Богданов для различения истины от заблуждения апеллировал к коллективному сознанию, истина при такой постановке вопроса неминуемо трактуется как только относительная. Хорошо известен спор Ленина по этому поводу с Богдановым насчет догм католической религии, которые последний готов был признать истинными для того времени, когда она господствовала в умах людей. Не менее известно и замечание Ленина насчет прагматизма, который тогда только начинал входить в моду: "различия между махизмом и прагматизмом так же ничтожны и десятистепенны с точки зрения материализма, как различия между эмпириокритицизмом и эмпириомонизмом" [12].

А. Здравомыслов причисляет себя к постмодернистам. В трудах наиболее видных представителей этого течения Ж.Ф. Лиотара и Р. Ротри в качестве гносеологической основы рассуждений используется неопрагматизм. Так, в статье "Постмодернистский буржуазный либерализм" Р. Ротри прямо ссылается на Д. Дьюи для обоснования позиций той части американской интеллигенции, которая отказалась от участия в протестах против войны США во Вьетнаме, поскольку она вправе "отойти от общественной жизни", исповедовать "неприятие всякого вообще этноцентризма", считать истинным и справедливым то, что сегодня отвечает моим интересам. В "эпоху постмодерна" происходит глобализация всех процессов общественной жизни, и поэтому, мол, понятие нации (как этнической общности, так и нации-государства) теряет свое значение. Каждый индивид вправе причислять себя к любому сообществу, в том числе к любой нации. Космополитизм непосредственно вытекает из основных посылок постмодернизма. "Нам следует держаться системы принципов, коллективных верований и убеждений сообщества, с которым мы себя отождествляем" - пишет Р. Ротри [13]. Попытки этого автора опровергнуть обвинение постмодернизма в философском релятивизме сводится к тому, что доказать истинность того или иного утверждения столь же невозможно, как доказать существование Бога. Это повторение известного тезиса Юма.

Характерный прием релятивизма в гносеологии - отрицать объективную истину как соответствие мысли объекту под флагом отрицания абсолютной истины. Для

материалиста, прошедшего школу диалектики, вопрос о соотношении относительной и абсолютной истины достаточно ясен: в истине относительной наличествуют зерна истины абсолютной, но в ее полном объеме абсолютная истина складывается из истин относительных в бесконечном процессе развития человеческого познания. Здравомыслов эти позиции в прошлом отстаивал. Но времена круто изменились и он желает об этом забыть, дабы использовать противопоставление объективной истины, как, якобы, истины абсолютной, истине относительной во вполне определенных политических целях. Для него сегодня "объективистский" подход претендует на знание абсолютной истины и поэтому ориентирует, мол, на конфронтационную политику, в то время как "релятивистский" подход ориентирует на поиски согласия, ибо "нет необходимости воевать за мифы национального самосознания" [10, с. 21].

Какова же природа этого согласия, на каких условиях может и должен быть заключен компромисс? Ясно, что в каждом случае надо рассматривать конкретные условия, учитывать позиции конфликтующих сторон и т.д. Но из релятивистской теории нации ее автор выводит некие общие принципы разрешения национальных, этнических и т.д. конфликтов в современном мире. Здравомыслов выступает как идеолог подчинения национальных интересов тенденции глобализации общественной жизни: "чем меньше делается упор на национальную обособленность или особенность, тем полнее включение в глобальные процессы и тем больше выигрыш для конкретной нации" [10, с. 17]. Поскольку в современных условиях глобализация приняла форму подчинения мировой экономики и политики интересам США и блока НАТО, то вывод автора прозрачно ориентирован на соблюдение интересов этих сил и против интересов тех сил, которые сопротивляются их экспансии, в том числе, в России.

Но если взглянуть на проблемы, порожденные глобализацией, не с позиций субъективизма, переносящего противоречия в сферу сознания, а с позиций материализма, исходящего из наличия экономических противоречий между нациями-государствами и их концентрированного выражения в политике, выводы будут совершенно иными. В глобальном масштабе это противоречия между основными центрами силы. После крушения двухполюсного мира происходит становление многополюсной системы. И если сегодня США, используя блок НАТО, претендуют на мировое господство, то набирают силу Китай и Европейский Союз. Последний пока что вынужден политически подчиниться США, в том числе в актах агрессии (Ирак, Югославия), но в экономическом могуществе ЕС уже сравнялся с США, и евро скоро вступит в соревнование с долларом за господство на мировых финансовых рынках. Темпы роста китайской экономики таковы, что к середине XXI века она выйдет на первое место в мире. Продолжает играть самостоятельную роль Япония; набирают силу Индия и АСЕАН; рано или поздно произойдет консолидация мусульманского мира; наконец, попытки списать Россию в разряд второстепенных держав провалятся не только потому, что сохраняется российская ядерная мощь, но и потому, что назрела смена социально-экономического курса, которая позволит восстановить народное хозяйство и задействовать в полную силу колоссальный потенциал России - как ее естественные богатства, так и интеллектуальную мощь. Продвижению НАТО к границам России могут и должны быть противопоставлены реинтеграция постсоветского пространства в новых формах и намечающийся "треугольник" Россия-Китай-Индия.

Человечество вступает в XXI век в состоянии резко обострившихся вследствие крушения установившегося после второй мировой войны мироустройства противоречий, которые будут разрешаться различными средствами, причем опасность применения ядерного, нейтронного и других видов разрушительного вооружения исключить невозможно.

Не менее ошибочно и наивно вытекающее из сущности "релятивистской теории нации" предложение разрешать конфликты, действуя в основном в сфере сознания, делая упор на изменение представлений одного народа в сознании другого. Можно ли, к примеру, разрешить конфликт с самопровозглашенной Ичкерией путем изменения

образа чеченцев в сознании русских (и соседних народов Кавказа) и наоборот? По-видимому, должны быть задействованы в комплексе экономические, политические, идеологические рычаги, причем не обойтись без мер военных в целях обороны рубежей соседних территорий от набегов банд, похищающих людей, угоняющих скот, убивающих милиционеров и мирных граждан и т.д. Надо полагать, что образ народа в сознании других народов будет изменяться на основе изменения реальных отношений. "Релятивистская теория нации" не может служить теоретическим обоснованием стратегии Российского государства в сфере национальной политики, в том числе, разрешения этнических и национально-государственных конфликтов, которые сегодня являются одной из острейших проблем в жизни народов на "постсоветском" пространстве.

Подведем некоторые итоги сказанному. В сложившейся в России обстановке реставрации капитализма в его дикой, криминальной, зависимой от внешних сил форме происходит обострение социальных и национальных противоречий, которое неизбежно отображается в сфере идеологии. Социология принадлежит к числу наиболее идеологизированных областей общественнознания. Материализму в теоретической социологии сегодня, как и сто лет назад, противостоят различные виды и разновидности субъективистской социологии, которые ныне в России находятся в преимущественном положении благодаря поддержке властей. Противники материалистической социологии ввиду недостатка аргументации нередко реанимируют воззрения, несостоятельность которых была показана более века назад. Развитие социологической теории, призванной дать ответ на насущные вопросы общественной жизни в России, требует оживления дискуссий при полном равенстве возможностей высказываний, публикации, отстаивания всех точек зрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См. *Руткевич М.Н.* Процессы социальной деградации в российском обществе // Социол. исслед. 1998. №3.
2. См. *Руткевич М.Н.* О субъективизме в социологии // Социол. исслед. 1998. № 12.
3. *Аитов Н.А.* Можно ли управлять социальными процессами? // Социол. исслед. 1998. № 3.
4. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 137.
5. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 77.
6. *Плеханов Г.В.* Избр. филос. произв. М., 1957. Т. III. С. 515.
7. Там же. Т. II. С. 303-304 и др.
8. См. *Руткевич М.Н.* Постмодернизм или социотропизм? // Социол. исслед. 1995. № 3.
9. *Руткевич М.Н.* Теория нации: философские аспекты // Вопросы философии. 1999. № 5.
10. Релятивистская теория нации / Отв. ред. *А.Г. Здравомыслов.* М., 1998.
11. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 49-50.
12. Там же. С. 363, примечание.
13. Рубежи. 1997. №10-11. С. 44, 45.